

Иерей Александр Полховский

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ФОТИЯ, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО¹

Эпистолярное наследие Константинопольского патриарха Фотия (род. ок. 810 – ум. между 893–897 гг.) представляет собой важный источник ценных сведений как о нем самом, так и о положении церковных и отчасти государственных дел во второй половине IX в. Кроме того, в письмах святителя достаточно четко отражен тот духовный путь, который ему пришлось пройти за время своей жизни.

Ключевые слова: патрология, перевод, письма, святитель Фотий Константинопольский, Священное Писание, ссылка, Церковь, экзегетика.

Представленное ниже письмо, весьма обширное, составлено святителем Фотием около 868/869 г. Оно имеет

1 Продолжение. Начало см. Труды Минской духовной академии. – 2014. – № 11. – С. 100–113; Труды Минской духовной академии. – 2015. – № 12. – С. 94–100.

Перевод с древнегреческого выполнен по изданию: Photii, Patriarchae Constantinopolitani, Epistulae et Amphilochia / Ed. Laourdas B., Westerink L. G. – 6 Vol. – Leipzig, 1983–1988.

Под редакцией П. В. Кузенкова, кандидата исторических наук, доцента МГУ имени М. В. Ломоносова.

почти такое же надписание, что и письмо № 188², и адресовано епископам, имена которых патриарх Фотий нигде на протяжении письма не называет. Из него мы узнаем о внешних, весьма тяжелых обстоятельствах, которыми сопровождалась первая ссылка святителя, равно как и о некоем его бывшем друге, имя и должность которого также остаются неизвестными, и который впоследствии примкнул к числу открытых противников Фотия, чем вызвал у него глубокое потрясение и разочарование.

Письмо № 174³. Из ссылки, епископам

Я удивляюсь, каким образом он, кто бы то ни был, так быстро предал забвению наше естество, – ибо мне решительно не хотелось бы навлечь порицание даже на его имя, даже если он будет проявлять еще большую надменность, поскольку вижу, что многие люди легче поддаются увещанию посредством безличных обличений, нежели когда вразумляют, называя по имени, – но каким образом он так поспешно изгладил нас из памяти, что обвинил нас и в столь великом безумии, и в пренебрежении божественными законами? Отчего же восстал он столь решительно против нашей мерности⁴, вернее, кто возвел его внезапно на столь высокую ступень, так что и когда ничего мы не говорим – он слышит, и когда у нас нет даже такого помысла, он, словно с некой дозорной башни⁵ собственного воображения, взирает на сердца и входит [в них], понимает и постигает те вещи, которые некоторые даже не сознавали за собой? И он решил, что знает дела человеческие более, нежели «дух, живущий в них», – хотя Павел, не рассчитывавший

2 Phot. Ep. – Vol. 2. – Col. 87.

3 Phot. Ep. – Vol. 2. – Col. 47.

4 Мерность – принятый в переписке самоуничижительный эпитет Вселенского Патриарха.

5 Ср.: Геродот, «История», Кн. 2, 15.

на будущее устремление таковых мужей, вовсе не оставил подобное знание другим⁶.

Но отчего обрушивается на нас обвинение в великом безрассудстве и в измене всей Церкви, и в пренебрежении установленными законами? Что мы совершили? Что помыслили? Что сказали против кого-нибудь? Ведь когда в самих словах не заложено оскорбления, нельзя и придумать большего, чтобы сказать против нас, чем если бы кто-либо решил упрекать нас в подобном. Ибо не слова делают несносными мысли, но скорее резкость образа мыслей производит слова едкие и неприятные. Когда же и слова согласны с мыслями, и грубость образа мыслей совпадает с резкостью речи, то в чем отличие – произнести одни и те же слова или выразить ту же мысль с помощью соответствующих слов?

Но если, взирая на бурю зол, которая постигла нас, и бремя бедствий, которое охватило и теснит нас со всех сторон, он решил, что мы впали в помешательство, то он помыслил и подумал о чем-то человеческом – да и что другое можно было бы сказать в его пользу? Ведь чрезмерные бедствия, как обыкновенно бывает, производят уклонение и изменение в тех, кто им подвергается. И даже если бы лукавому было суждено получить над нами власть большую, чем над боговдохновенным Иовом⁷, привычными ему способами, то, во всяком случае над душой, он не получил бы власти; тот же, кто против нас, и над ней вверил ему господство. Ибо из того, что он обвиняет нас в чистом безумии наряду с преступлением закона, он явным образом обнаруживает себя рассчитывавшим и решившимся на это.

Впрочем, хотя он и навлек на нас такое подозрение и нашел в этом благовидный повод для другого порицания, чтобы теперь

⁶ 1 Кор. 2:11.

⁷ Иов. 2:6.

оставил я в стороне разумность и благоприличие оправдания, ему следовало бы не нападать и не делать [мое] страдание еще более тягостным добавлением собственных оскорблений, а, скорее, неким утешением и душевными словами смягчить боль и попытаться любым способом придумать облегчение. Раздражать же, нападать и упрекать в бедах свойственно тому, кто упивается несчастьями ближнего, а не сострадающему или не сочувствующему, и совершающему не дела, присущие друзьям, но такое зло, которое сделали бы и враги.

Я же, поскольку они излили на нас осадок всякой своей злобы⁸, лишив друзей, разлучив с родственниками, отторгнув перед тем вас самих, – самое жестокое из страданий моих, – и разделив [нас], отняв помощников и слуг, пленив, окружив нас стражами и надзирателями, чтобы не дать возможности желающим скорбеть и оплакивать наши собственные несчастья, и чтобы никакое сочувствие даже не проскользнуло к нам откуда-нибудь, ни словом, ни делом, пригрозив тысячами смертей, заставив нас (увы!) алкать в отношении словес Божиих⁹ и всего прочего. И поскольку всецело окружают нас вместе с непрекращающимися бедами, обособившись от всех наших чувств и ополчившись против всех [них], придумали новые ухищрения против каждого [из них] (ибо проворно к злу удаление от Бога и человеколюбия). Для очей сделали они преграду (ибо что сказал бы кто-нибудь, когда вообще не имел бы возможности ни видеть кого-либо из людей, ни даже общаться с книгами, и в особенности тот, для кого чтение – великое и главное утешение? Ведь отказ и в этом они вынесли против нас всеми [своими] приговорами), одновременно же заградили слух – ведь они не позволяют внимать ни голосу друзей, ни даже

⁸ Пс. 74:9.

⁹ Ср.: Амос. 8:11.

врагов (ибо стоит ли говорить – чтецов?), но настолько хватило у них усердия, что мы не слышим ни поющих Богу, ни воссылающих Ему благодарение в гимнах. Ведь никого, абсолютно никого не оставили они с нами, даже на короткое время, даже и из тех, кто имеет посредственные способности к пению (о жестокость, превосходящая образ мыслей варваров!), но вместо клириков, вместо монашествующих, вместо псаломщиков, вместо чтецов и писцов, вместо друзей и знакомых, благодаря кому имеет обыкновение, по большей части, ослабевать тяжесть скорбей, вообще вместо всех, нам предоставили стражу из солдат и военные отряды. Для чего нужно перечислять [эти вещи] по отдельности и воспоминаниями растравливать раны? Но измышлением бесчисленных зол воздвигли они стены против всех наших чувств, даже самой душе нашей не позволили остаться не уязвленной злом (такой меры достигли их поступки!) – самый нечестивый и жестокий из всех, отвратительных Богу поступков, – разрушая дома Божии, изгоняя нищих, калек и увечных, которых мы прежде представили как умиловление за грехи наши, из нашего собственного жилища и пристанища, и деля их средства к существованию, словно вражеские трофеи; и тела служителей высекали плетью, так что на всем теле образовались раны вследствие большой силы ударов, чтобы они показали им золото и серебро, которое мы накопили (и которое те несчастные не видели даже во сне) – хотя сами мучители достовернее других знают, что мы всегда подвергались клевете из-за денег, и не настолько они сребролюбивы, насколько наше презрение к ним¹⁰ настраивало нас никогда не ставить их ни во что, и не то что не копить, но что увидело солнце на восходе (насилие со стороны оскорбляющих часто вынуждало и

10 То есть деньгам.

наставника в добродетели, Павла, к подобным речам¹¹⁾, то уносились и растаскивались в дневное, а особенно, ночное время. И все же, зная это не менее, чем кто-либо, они наносили увечья, избивали – не для того, чтобы отыскать что-нибудь из того, что они воображали найти (разве только и в этом отношении повредились они умом: стремиться найти то, о чем знали, что этого не существует), – но чтобы и таким образом донимать нас и не упустить ни одного способа для злодеяния, какой они могли бы применить против нас. Но я не стал бы отрицать, что сатана (или не знаю, как еще сказать) требовал этого в отношении нас, и гораздо более, чем сказано выше, и что этим они изнуряют нас. Что же касается того, что столь великая беда лишила нас рассудка, сделала пренебрегающим Божиими заповедями, превратила во всеобщего предателя, то я не знаю, по какой-такой причине некто, обвиняющий нас в этом, не согласился бы неистовствовать против нас не еще более решительно, чем открытые враги.

Если же некто, слыша такие вещи, краснеет от стыда, не одобряет, отрицает, и никогда не сказал бы такого против нас и даже не принял бы во внимание – ибо греху, избличаемому доводами справедливых слов, присуще выглядеть еще более постыдно, чем прежде, – так что даже самому родителю [своему] не кажется он родным, но представляется как бы незаконнорожденным и вызывающим отвращение, особенно когда жало совести, которую премудрый Творец вложил в естество, возбуждает к пониманию того, как надлежит поступать – если, таким образом, он будет настаивать, что ничего из этих вещей даже не приходило ему на ум, но, как и подобает, отправляет он осмелившихся когда-либо на такое в отдаленные места и [с] ужасными проклятиями, то спросите его во имя самой

11 2 Кор. 11:16 – 12:11.

дружбы: чем отличается сказанное [им] о нас от утверждения, что мы находимся в числе врагов и не делаем различия между друзьями и врагами? И притом чьими? – (о, надругательство над нами!) – друзьями Христовыми и врагами Христовыми! – Ведь к этому приводит желание записать в число тех, кто страдает за Христа, и нас, и тех, кто ведет брань против нас, а вместе и против Христа, кто, не почитая за святыню Кровь завета Его¹² (умолчу сейчас об остальном), осквернили жертвенники Господни и надсмеялись над святым помазанием, а вернее, над Пресвятым Духом, посредством которого [сообщается] помазание.

Итак, спросите, настаиваю вновь, чем последнее отличается от первого кроме как превосходством во зле. Даже если он сможет показать, что последнее легче первого, то считайте, что я действительно говорю вздор, а его удостойте бесчисленных похвал. Впрочем, он прилагал усилия не потому, что оскорбил нас более легким образом, нежели другие, или потому, что уступил превосходство другим в осыпании нас оскорблениями, но потому, что не провозгласил он открыто ничего, что ведет к нашему порицанию. Однако если он обнаружит свои доводы не стоящими похвал, не приговаривайте его к изгнанию. Если же он ничего не докажет, как, конечно, и не сможет он ничего доказать, то научите его молчанию, однако учтите, что именно отсюда [происходят] мои несчастья, потому что возмущения и поношения со стороны друзей получают преемство от злых умыслов врагов.

Разве тот, кто говорит или думает подобное тому, что выдумал о наших словах и мыслях оный добрый друг, не впадает в крайнее безумие и не есть всеобщий изменник всей Церкви, презритель и оскорбитель отеческих преданий? И бесчисленные

12 Евр. 10:29.

прочие [грехи] объемлются этим: ложь, обман, нечестивые и подозрительные мысли, взаимные ссоры и иное беспредельное множество зла. Разве не хорошими красками начертал образ наш хороший живописец, тот, который настаивает, что не говорил ничего плохого [о нас]? Но если это [произошло] вследствие простоты [характера], то покоримся [словам] Господа, который вызывает: «...[итак], будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»¹³. А если вследствие коварства, то изменим образ мыслей, поскольку Он опять же провозгласил: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»¹⁴ – тем более зная, что соблазняющему одного из наименьших братьев уготовано наказание¹⁵. Если же соблазняющий одного [брата] неизбежно несет наказание, то я предоставляю [возможность] тому самому, кто приводит в смятение и разрушает всю Церковь, представить, за сколь великое зло делает он себя ответственным. Да не будет никто виновен в этом зле, пока Христос простирает десницу [Свою] над всеми нами!

Но как без боли и слез перенесу я это? «Если примет он, – как говорит он [обо мне], – тех, кого не следует принимать, то разве мы не окажемся вместе с ними? Если же он не примет, из страха будущего возмездия, мы и невольно сохраним нынешнее [благочестие]». А как же Бог, о, превосходнейший? А вера? А загробные судилища? А совесть? А как же истина? Непокколебимый образ мыслей? Все это – ничто? Из этих предметов ничто не [беспокоит тебя]? Лета¹⁶ или Харибда¹⁷, захватив, все поглотила?

13 Мф. 10:16.

14 Мф. 18:3.

15 Мф. 18:6; Мк. 9:42; Лк. 17:2.

16 Лета – в древнегреческой мифологии источник и одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида, река забвения (греч. Λήθη, «забвение»).

17 Харибда в древнегреческом эпосе – олицетворенное представление всепоглощающей морской пучины.

Я же предпочел бы, чтобы он думал и говорил обратное, а именно: «Даже если он принял бы тех, кого не следует принимать, мы все вместе возгласим нечто громкое и пронзительное, и не будет нас сдерживать ничто, ни отеческая любовь, коей мы славимся, ни приличествующее благоговение, каковое научили нас всегда проявлять к отцам, ни какое-либо иное почтение, какое сохраняли мы в отношении него, но, изгнав все это далеко от нас самих, мы, как сказал я, громко воскликнем: Зачем ты делаешь это, человече? Куда идешь? Разве не понимаешь, что предаешь себя врагам? Зачем объявил ты глупостью борения наши? Зачем бесчестишь сонм [благочестивых]?».

Вот на что я, со своей стороны, скорее бы надеялся: чтобы он серьезно отнесся к этому, если бы почувствовал, что допустил я в чем-либо ошибку, а не делал бы того, что [делает] сейчас, подражая образу мыслей тех, кто [нас] высмеивает. Надеялся бы я и на то, что если кто из врагов когда-нибудь осмелился бы произнести такие его слова в его присутствии, то, бросая в него тысячи камней, выгнал бы его, понося словами «обманщик», «лжец» и тому подобное. Ибо, хотя заповедано нам терпеть тех, кто ни за что уничижает нас, потому что мы ученики Того, Кто кроток и мирен, никто не станет терпеть тех, кто глумится над верой, поскольку и Сам Он, употребляя кротость в прочих вещах и не воздавая мстью, тех, кто дом Отца [Его] задумал сделать домом торговли¹⁸, не только изгнал оттуда с суровым порицанием, но и, пригрозив двойным наказанием тем, кто заострил свой язык против Святого Духа, предал город вместе со всеми жителями огню, мечу и голоду еще в этом мире и удостоверял их, что хотя подверг их с великим гневом нынешнему [наказанию], они не избегут и будущего [осуждения]¹⁹.

18 Ин. 2:14–16.

19 Мф. 12:31–32.

Но подобными надеждами, я, похоже, питал себя к голоду. В самом деле, разве кто-либо в свое время донес ему на нас, когда взошли мы на архиерейский престол и нам была вверена власть над всяким поступком и намерением? Ибо подобные слова и вопросы, если вообще и следует кому-либо [выдвигать], то тем, кто уже блистательно и славно воспринял бразды правления и кто председательствует на общественной трибуне, хотя одни, согрешив, не только повергаются на колени и многими слезами орошают землю, но и настойчиво взывают к милости, тогда как другие, поборовшиеся до конца за добродетель и истину, совосседают в светлых венцах и наделяются судейским чином; и одни, по причине снисхождения к тем, кто одной с ними природы, увлекаются [к падению], тогда как другие ничего не предпочитают справедливому и соответствующему правилам самовластию, но, подобно очам справедливости²⁰, приводят все в соответствие с природой справедливости – и вот тогда-то эти [вопросы], если вообще подобает, можно предложить тем, кто воспринял оный жребий, – но не теперь и не тем, кто подвизается в голоде, жажде, темницах и бесчисленных лишениях и борется за жизнь²¹: ибо тем [вышеупомянутым] отводится слово суда, осуждения и прощения, и то [вышеуказанное] время, а не [настоящее].

Но, о добрый и благой [друг мой], если не следует [их] принимать, как не стыдишься ты присоединяться к ним; и, имея возможность оказаться увенчанным венцом, причислять [себя] к пленникам; и грезить о человеколюбии в отношении других, сделав себя лишенным высшего благородства и свободы и предателем? Если же ты не считаешь присоединение постыдным, знай, что образом мыслей ты с теми, поступок

20 Ср.: Менандр, «Сентенции», 225.

21 Ср.: Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», Кн. VII, 48:4.

которых отвергаешь, и почитаешь то стадо, во главе которого, по твоим словам, вместо пастырей стали волки. А если угодно, ты относишься к стаду с большим уважением, нежели некоторые пребывающие в нем. Если некоторые из них, хотя и пребывают со стадом телесно, тем не менее, когда совесть их смущается, падают духом, то ты, прежде присоединения телесного, тшишься присоединиться мыслями и духом. Во всяком случае, отсутствие присоединения – [следствие] робости, а не благочестия; стыдливости, а не свободного выбора.

Итак, кто же [в действительности] принимающий? Тот ли, кто даже в грезах не допускал этого, или тот, кто на страх возложил вину за то, что до сих пор не склонился к ним, и считает, что испытывать позор вместе с врагами – если бы и не был он наказан позднее, – лучше, чем всецело быть предметом восхищения вместе со своими [людьми]? Если не следует [их] принимать, то кто, приняв, вместо того, чтобы считать другими тех, кого нельзя принимать, не подверг бы себя скорее гибели вместе с ними? Ибо не слова делают лучшими поступки, но поступками подкрепляются слова. Потом, если кто, увидев, что разбойниками или предателями городов все гнушаются и ненавистны они для всех, после этого, хотя сам он до настоящего времени незапятнан такими [преступлениями], предастся пустым фантазиям и скажет блюстителю закона: «Если ты позволишь, чтобы такие люди, которых следует казнить, оставались безнаказанными, то почему бы мне не заняться поскорее разбоем и не стать предателем, чтобы получить прощение? А если потребуешь наказания, то из страха наказания не буду подражать им», – если кто выступит и скажет подобное, то разве есть кто-нибудь, кто не осудит умопомешательства его, нетвердости образа мыслей и бесчисленного множества другого? Что же? Всякий из тех, кто имеет ум, осудит его; если

же кто публично представит предателей веры вместо предателей городов, расхитителей божественных законов вместо грабителей тел, а затем начнет произносить вышеупомянутые слова, то разве не станем мы полагать, что равный или даже больший приговор будет вынесен ему людьми благоразумными?

Кроме того, что было сказано, если они управляют делами на основании церковных установлений, зачем нужны тебе несвоевременные вопрошания, испытывать борение и угнетение помыслами, но почему, поскорее сделавшись частью их, не испросишь ты многого прощения за [свою] медлительность? Если же тебе известно, что они вершители противозаконных дел, зачем ты допытываешься, подвергнутся ли они наказанию здесь или нет? Ибо, если подвергнутся они наказанию [здесь], станут лучше, очищаясь наказанием от греха; если же не понесут они наказания [здесь], то это делает их еще более несчастными, потому что загробное место наказания станет для них еще более жестоким. Так что если бы выбор между двумя этими [возможностями] был бы предложен кому-то, то он, очевидно, избрал бы меньшее зло и заботился бы о собственной пользе; не тот, кто избегает здешнего наказания, а тот, кто, подвергнувшись наказанию [здесь], смягчил бы тамошнее. Ибо и больного, не того, кого руки врачей, рассечения и прижигания избавляют от страдания, но того, кого видим мы отказывающимся от врачебного искусства, признаем уже совершенно безнадежным и оказывающимся в крайне бедственном положении²².

И зачем некто стал бы перечислять последствия его помыслов? Это ли побудит нас с большей неутомимостью переносить происходящее? Это получим мы в утешение? Этим старался ты, о, друг и брат, вернуть нас на свою сторону? Ибо я не отказываюсь от более почтенных слов и не предоставляю

22 Ср.: Платон, «Горгий», 478.

все подопечному, но, поскольку до сих пор этого не сделано, и в надежде на [твое] исправление, принимаю участие в [этих] призывах. «Если же соль потеряет силу, – говорит Господь, – то чем сделаешь ее соленою?»²³. Если таковы дела друзей, братьев, чад, моих членов, моих сердечных близких, всех, кто особенно мне дорог, ради которых пребывание еще во плоти предпочитается тому, чтобы «разрешиться и быть со Христом»²⁴, ради которых терзаюсь и мучаюсь, и слезы мои становятся для меня хлебом²⁵ – итак, если таковы их дела, то каких дел следует ждать у других?

Но ничего удивительного. Ибо я знаю, что и боговещанного Павла оставили в узах одного. «При первом моем ответе, – говорит он, – никого не было со мною»²⁶ и «один Лука со мною»²⁷. Ибо не всем [людям] свойственны стойкость и терпение. Поэтому и Господь, сказав о скорбях и искушениях, в которых тем, кто уверовал в Него, предстояло упражняться, прибавил: «...претерпевший же до конца спасется»²⁸. Мне известно, что прежде Него Давид-пророк горько оплакивал [свою] оставленность многими и такую мольбу простирал к Богу: «Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими»²⁹. Да что я говорю о последнем или вышеупомянутом? Знаю, что Владыка мой и Бог, после того как был схвачен и препровожден в темницу, был оставлен один. Ибо [Писание] говорит: «Оставив Его, все бежали»³⁰. Итак, что удивительного, если бы теперь кто-нибудь замыслил

23 Мф. 5:13.

24 Филип. 1:23–24.

25 Пс. 41:4.

26 2 Тим. 4:16.

27 Там же. 4:11.

28 Мф. 10:22; 24:13. Мк. 13:13.

29 Пс. 11:2.

30 Мф. 26:56; 24:13. Мк. 14:50.

оставить меня, человека несчастного и жалкого, человека, которому не разрешается даже дышать на открытом воздухе, человека, который живет в тюрьме, ежедневно ожидающего бесчисленных опасностей для жизни и когда отнята всякая благая надежда? Но о если бы только оставить! Ибо зло, будучи невыносимо – ведь подобные люди оставляют не нас, но в нашем лице отсекают и отлучают себя от истины и церковного здорового образа мыслей, за который вплоть до настоящего времени предпочитали они бесчисленное множество раз страдать, [и], что всего более поражает и изнуряет душу, видеть, как члены, с которыми составляем мы одно Тело и являемся сопричастниками³¹, отторгаются от Главы³², Христа, и погибают – так вот, будучи невыносимо, зло, благодаря упомянутым примерам, оказалось бы сносно. Но старание приписать нам причину оставления, действительного примера чему до сих пор невозможно даже отыскать, как сможет кто-либо перенести [все это], хотя бы и имел он навык переносить все? Сполна получил я добра (не так ли?) в качестве благодарности за [мою] боговдохновенную и отеческую к тебе любовь и те превосходящие естество и страшные духовные муки, в которых был ты рожден в таинственном чертоге Церкви, чтобы, «[как] светило в мире, содержать слово жизни³³».

Я терплю это благодаря вашему удивительному и божественному благоразумию в отношении того, кто еще недавно оказывал нам приемы и встречи и пытался воспользоваться нашими полномочиями в собственных целях словно [неким] спасением и выходом от стыда и грехов, хотя и произошло с ним противное тому, что он делал. Ибо сваливание вины на другого, если даже в особенности хитрость не находит

31 Еф. 3:6.

32 Там же. 4:15.

33 Флп. 2:15–16.

возможности для лазейки, приводит к более суровым упрекам совести, неся в себе ясное и неизбежное обличение. Разве искал бы ты поддержки извне и лукаво выдумывал бы сам себе план защиты, если бы не имел внутри себя сурового обвинителя намерений – совести? Почему же ты сам не делаешь того, чего стремишься получить из другого места? Если бы не удержал меня закон письменного жанра и не препятствовала рука писца (и в таком случае похитившая [бы мои слова]), я более точно и обширнее показал бы нашу скорбь и то, чем изнурял он нас.

Но как его собственные торжественные обещания, которые открыто провозглашал он пред Богом и ангелами, пред всеми людьми – императорами, начальниками, подчиненными, – не приводят его в великий стыд? Разве не была поправа похвала Церкви, которая всегда способна выдержать и время, и повествование, и которая да будет непрестанно величаться и возноситься ей, при укрепляющей свыше длани? Каким же образом через него, и него одного, враг³⁴ решил увлечь души, и своим собственным падением предпочел он навредить общему и достойному удивления положению Церкви? Злокозненный змей опрометчиво решил явить миру [нечто] новое и нелепое, но Творец естества нашего и Создатель противопоставил [этому] дело поистине более новое, более удивительное и божественное. Ведь дьявол, тайком проникнув в людей, людей весьма грешных, людей, не принимаемых ни в какой расчет, давно лишенных священнического достоинства и изгнанных из церковных собраний по причинам, о которых непозволительно нам и говорить, «дважды умерших, исторгнутых»³⁵, согласно апостольскому о них предречению, «срамников и осквернителей»³⁶,

34 Дьявол.

35 Иуд. 12.

36 2 Петр. 2:13.

«дерзких, своевольных»³⁷ – и выставив их как мастерскую собственной злобы, через них нагло стремился низложить и разрушить всю Церковь. Господь же, как один только творящий чудеса³⁸ и в притеснениях дающий простор³⁹ тем, кто призывает Его, и являющий невыразимость и премудрость [Своего] Промысла особенно тогда, когда со всех сторон окружили [их] затруднение и страх, торжественно показал, что Церковь до такой степени устроена, усовершенствована и поистине основана в Нем Самом, что лукавый не только получил равносильный своей злобе удар, но и подвергается гораздо более тяжелому и мучительному.

Ибо как же это не великий и не неизлечимый для дьявола удар, когда в столь великой буре и столь большом смятении и перевороте ни малый, ни великий, ни архиерей города не незначительного, ни ничем не отмеченного, ни невежда в слове⁴⁰, ни тот, кто вооружен с обеих сторон, обладая сопутствующей находчивости ума стремительностью языка, ни блистающий в свете, ни прославленный точным [знанием] догматов – вообще никто и никак вовсе не был изобличен как подверженный переменам вместе со временем и не поддался натиску выгоды, вообще же все те, кто составил сонм благочестия (кто допустил бы такое прежде, чем это произошло, на основании давних слухов, не говоря уже о новых надеждах?), оказались сильнее всякой западни лукавого, всякого злого умысла, всякого его ухищрения и насилия? Приятно мне обстоятельно исследовать это, и особенно с вами, которые были великой частью столь великого чуда; ведь и для соратников нет ничего приятнее, даже если и находятся они в скорбных обстоятельствах, чем вести беседу о своих подвигах во время брани.

37 Там же. 2:10.

38 Пс. 71:18.

39 Пс. 4:2.

40 2Кор. 11:6.

Однако, как говорил я, лукавый мнил и жадно стремился поглотить разом всех и явить дело своего коварства, священная же полнота Церкви, будучи руководима и ведома [ее] Главою – Христом⁴¹, до такой степени подвергла осмеянию его ухищрения и замыслы, что и отсюда скорее захватила [у дьявола] кого-то в плен и привела к истине, чем позволила, чтобы один кто-нибудь уклонился⁴² от превосходного их чина. Так что если некто отдал предпочтение дьяволу – или хотел бы он найти такие «сосуды», на каковые наткнулся теперь, способные выдержать всю его энергию, чтобы Церковь, так мужественно и решительно ведущая с ним борьбу, противостала [ему], сокрушая их вместе с самим ремесленником «как сосуд горшечника»⁴³, или предпочел бы не изведать на опыте ничто из этого: ни грезить об успехе над этими «сосудами» и об удаче с ними, ни увидеть Церковь невредимой, крепнушей, процветающей и в самое его сердце наносящей смертельный и столь жестокий удар и над всяким его господством празднующей блистательную победу, которая, как ничто другое, должна была бы посрамить и того, кто теперь поколебался (не знаю, как называть это более безобидным образом), [так что] чуть ли не стараться срывать победные венцы с собственной главы. Ибо что, если и не сделал того, о чем старался? Зато своей нерешительностью погубил обильную благодать. И, с одной стороны, старание изобличило намерение, а с другой, божественная благодать и теперь показала, что печется о нас, не допустив замыслу осуществиться.

Но пусть впредь ничто, ничто подобное, не заботит тебя, о чадо! Ибо, пустив уже в ход упреки за то, что до сих пор терпел я, поражая и уязвляя свое сердце, и будучи терзаем – ведь хотя лекарства и хирургические инструменты необходимы, однако

41 Ср.: Еф. 4:16.

42 Греч. «стал дезертиром».

43 Пс. 2:9.

сочувствие в несчастьях и страданиях имеют преимущество над законами лечения и образования, – не вынося больше уже тирании сочувствия, оставив все оное, и, обняв, как если бы ты присутствовал, [спрашиваю]: «Непорочных родов чадо мое, член мой, что же это?». Вослицаю: «Где похвала моя о тебе? Где надежды, а лучше, дела наряду с надеждами? Видишь угрюмость, подавленность и, если угодно, слезы? Причина этого – беспокойство о тебе. Скорбь о тебе достигает самого [моего] сердца, боль – самой жизни. Но если что-то относительно моей жизни заботит тебя (никакая причина еще не убеждает меня в том, что не заботит), пусть ничто такое, ни подобное, уже не проникает в твое намерение или рассмотрение. Ибо блажен не тот муж, кто не приступал к незаконным делам, а тот, кто «не пошел даже на совет»⁴⁴ их. Не превозносились бы мы даже потому, что есть у нас худшие, чем мы, [люди], но устыдились бы, если бы нам доказали, что мы – хуже некоторых. Поскольку и [воин] доблестен, возвышен и славен не тогда, когда не был схвачен как дезертир или не оказался хуже беглецов, но когда в бранях проявляет себя лучшим образом, чем соратники, и одолевает врагов, тогда и имеет право принимать [победные] венцы. Да, умоляю и призываю, покажи конец достойным начала, достойным подвигов. О, сколько стенаний, сколько слез! Благополучно плыть в открытом море среди ветров и бури, а потонуть около самой пристани! На войне побеждать врагов, а трофеи уступать им! На ристалище блистательно выдержать состязание, но робеть пред победными венцами!

Стало быть, вам, о, поклонники добродетели и глашатаи благочестия, и защитники истины, как и во всем остальном, так и при нынешнем страдании предстояло найти утешение. Не потому только, что тому, что доставляет огорчение,

44 Пс. 1:1.

когда оно открывается друзьям, присуше каким-то образом смягчаться вместе со словами и как бы испаряться, но гораздо более потому, что у меня имеются великие надежды на то, что вашими премудрыми и правильными целительными речами и увещаниями скорее окрепнет [сей] муж, и, совершенно отвратившись от клеветнического нашептывания змия, не будет впредь держаться совета, приводящего в смятение правые мысли и склоняющего к нерешительности, которая [есть] причина падения, но, возвратившись к прежнему совершенству, сохранится в течение всей жизни непоколебим и непреклонен на твердом и прочном камне исповедания Христова и словом, и образом жизни. Но довольно об этом.

«Если есть какое утешение во Христе (вместе с боговешанным Павлом да воззовем мы к вам и через вас – ко всем), если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость, чтобы» как до сих пор, так и всегда «имели [вы] одни мысли»⁴⁵, «в одном духе, подвизаясь единомудно за проповедь истины»⁴⁶, и не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование гибели, а для вас – спасения. И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него»⁴⁷. И это пишу [вам] не как имеющим нужду в моих словах, но как должник, и не только как должник, но и как тот, кто стремится иметь общение с вами: сейчас время требует [общности] в самих делах и борениях, в другое время – и в словах. Ведь «и вы» (говоря вместе с Иоанном Богословом) «имеете помазание от

45 Флп. 2:1–2.

46 В критическом издании Греческого Нового Завета Нестле-Аланда: «τῇ πίστει τοῦ εὐαγγελίου (веру Евангельскую)». Nestle Aland Novum Testamentum Graece [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nestle-aland.com/en/home/> – Дата доступа: 11.03.2016.

47 Флп. 1:27–29.

Святого Духа⁴⁸»⁴⁹, и «помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, «и знаете все»⁵⁰, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас»⁵¹, «но как самое сие помазание учит вас всему, то, чему оно научило вас, в том пребывайте, чтобы, когда Он явится, иметь нам дерзновение и не постыдиться пред Ним в пришествие Его»⁵².

Царь же и Раздатель мира, Виновник и Поборник жизни нашей, Которым «живем и движемся и существуем»⁵³, Чьими нерушимыми узами любви мы связаны, первый и великий Первосвященник, Христос, истинный Бог наш, собственною кровью, не из народа, соделавший нас народом своим⁵⁴, и не просто народом, но и возлюбленными, и «народом святым, и царственным священством»⁵⁵ (о неизъяснимое человеколюбие!), и представивший [нас] сынами, наследниками и сонаследниками⁵⁶, «у Которого нет изменения и ни тени перемены»⁵⁷, Сам сохранил [нас] неукоризненными до конца, связывая союзом мира и любви, укрепляя в Себе и между собою, и в непреклонном, и непоколебимом благочестивом образе мыслей, имеющими одно и то же попечение, одно говорящими, на одно взирающими, всех устремляющимися «к почести высшего звания»⁵⁸, где церковь первенцев, где сонмы мучеников, где шатры патриархов, среди которых нет лжи, предпочитаемой истине, нет вражды,

48 В издании Нестле-Аланда слово «Духа» отсутствует. Nestle Aland Novum Testamentum Graece [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nestle-aland.com/en/home/> – Дата доступа: 11.03.2016.

49 1 Ин. 2:20.

50 Там же.

51 Там же. 2:27.

52 Там же. 2:28.

53 Деян. 17:28.

54 Рим. 9:25; Ос. 1:9–2:3.

55 1 Пет. 2:9; Исх. 19:6; 23:22.

56 Рим. 8:17; Гал. 4:7.

57 Иак. 1:17.

58 Флп. 3:14.

нет насилия, нет безумия; среди которых глубокая тишина и неодолимая красота истины, не утаиваемая никакими ухищрениями; между которыми всяческий мир и единомыслие, и зрелище, причастие и наслаждение оными блаженными и неизреченными видами, и, наконец, совершенство усыновления⁵⁹, более не чаемое, но прямо уже обладаемое, за которое – теперешние гонения и пленения, и ради которого с благодарностью и радостью переносим мы бесчисленные устрашения и ежедневные опасности для жизни.

Молиться же за царей увещевает, прежде нас, боговешанный Павел⁶⁰ и Петр, вершина учеников, говоря: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти»⁶¹, и еще: «царя чтите»⁶². Но и даже прежде них, общий всех Владыка, Учитель и Создатель, Сам из чудесной сокровищницы уплатив ценз кесарю⁶³, делом и словом научил признавать привилегии, которые определены царям, почему и возносим мы молитвы за царей на наших таинственных и внушающих страх службах. Соблюдать и сохранять эти привилегии и к христолюбивым царям нашим справедливо, и Богу любезно, и нам в высшей степени прилично.

59 Ср.: Рим. 8:23.

60 1 Тим. 2:2.

61 1 Пет. 2:13.

62 Там же. 2:17.

63 Мф. 17:24–27.

Дата написания нижеследующего письма неизвестна. В нем святитель Фотий устраняет мнимые противоречия, которые возникли у пресвитера Саввы относительно двух евангельских отрывков.

Письмо № 177⁶⁴. Ему же⁶⁵

Не противоречит смыслу «в доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам»⁶⁶ и сказанное вслед за тем «и когда пойду и приготовлю вам место»⁶⁷. Ибо с одной стороны, по промыслу и предведению, или, если угодно, по существованию и бытию, заранее уготованы были Богом всяческих места, конечно, всем, кто провели жизнь достойно небесной славы; с другой, вновь открывая эти места и поистине показывая обители – поскольку ведь в собственном смысле обители, в которых почивают пребывающие в них, до спасительного Креста, сошествия Владычного во ад и восхождения на небеса, никому никаким образом показаны не были, – Сам Он, вместе с воспринятой [Им] человеческой природой⁶⁸, взойдя на небеса и вновь открыв нам, согласно блаженному Павлу, «путь новый и живой»⁶⁹, соделал для достойных небесные обители действительно совершенно готовыми и почти зримыми. Так что и у Отца [есть] обители, и Сын, пойдя, приготовил их.

64 Phot. Ep. – Vol. 2. – Col. 64.

65 То есть Савве, пресвитеру и исихасту.

66 Ин. 14:2.

67 Там же. 14:3.

68 В ориг. «μετὰ τοῦ προσλήμματος». Как термин, «τὸ πρόσλημμα» в святоотеческой традиции обозначал воспринятую Христом человеческую природу. См.: Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. – P. 1178.

69 Евр. 10:19.